

*Черненко В.А.,
кандидат философских наук
доцент кафедры общественных дисциплин
Харьковского национального университета
искусств им. И.П. Котляревского*

ЭТИКА И. КАНТА: PRO ET CONTRA

Аннотация. В статье рассмотрена философская проблематика этического учения И. Канта. Секрет её долгозначимой актуальности автор статьи видит в том, что Кант нашёл этический ответ на вызов секулярной эпохи, начавшейся в XVI столетии и продолжающейся по сей день. Теория категорического императива открыла тайну бесосновности человеческого существования, попытка разгадать которую определила развитие последующей европейской философии.

Ключевые слова: категорический императив, добрая воля, свобода, я—конкретное, я—универсальное, практический разум.

Бытует мнение, что ошибки и заблуждения великих сами по себе ценны и значимы для человечества, так как раздвигают горизонты мышления, провоцируя мысль на неустанный поиск инновационных путей решения извечных вопросов. Этику И. Канта по праву можно отнести к таковым. Несмотря на противоречия, формализм, а кое—где и бездоказательный априоризм, стремление «кёнигсбергского отшельника» обосновать нравственность через абсолютную свободу, а свободу через непоколебимую твёрдость нравственных убеждений достойно восхищения. Связуя воедино свободу, нравственность и достоинство человеческой личности, Кант пытается сохранить проект века Просвещения, сыном которого является. Возведя долг в абсолютный императив нравственного поведения, философ пытается утвердить нравственную ценность, присущую каждому человеку как разумному, и потому, нравственному существу. «Поэтому этику Канта вполне можно назвать этикой личностной автономии, индивидуальной свободы и ответственности... точнее было бы её назвать этикой доброй воли. Она является первой и, возможно, единственной научно—философской концептуализацией морали, целиком замыкающей её на личность. Кант обогатил европейскую культуру и философию представлением о внутреннем нравственном достоинстве как основном личностно—образующем признаке человека» [1, с. 206]. Однако неудача самого проекта просвещенческой парадигмы и отчасти нравственной философии немецкого мыслителя показали, что онтология

как самой свободы, так и мотивов человеческого поведения ускользает в более тёмные и бездонные глубины, чем поначалу казалось просветителям. И во многом именно пронизательность кантовской мысли указала на это, спровоцировав мощный мейнстрим «пост—кантовской» немецкой философии, репрезентируемой фигурами Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и др.

Свою этику Кант пытается проложить между Сциллой эгоистического себялюбия и Харибдой официозной гетеронмии (извне навязанный мотив этического действия). В своём знаменитом пассаже о «звёздном небе над головой и нравственном законе внутри себя» философ, по сути, утверждает, что страх перед неопределённостью существования может быть преодолён (уравновешен) лишь верностью этическому принципу, выбранному добровольно и сознательно. Здесь слышатся отголоски протестантизма: чем больше неуверенность в спасении, тем больше и пламеней должна становиться вера в Христа—спасителя. В своей нравственной философии Кант не пытается дать анализ этических добродетелей или указать путь к счастливой жизни; он ставит задачу подведения под этику онтологического фундамента, сразу заявляя в своих «Основах метафизики нравственности» о том, что каждому необходимо согласиться с тем, что закон, если он желает иметь значимость моральную в качестве основы некоей обязательности, должен иметь статус абсолютной необходимости. Однако эта «необходимость», в отличие от необходимости законов природы, весьма специфична: она не вытекает из механицистского сцепления эмпирических фактов как в природе, а зиждется на добровольном усилии человека, на его «доброй воле». Эта «добрая воля» весьма загадочна. Вот как её характеризует сам Кант в той же работе: «Нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только доброй воли. Рассудок, остроумие и способность суждения... мужество, решительность, целеустремлённость как свойства темперамента в некоторых отношениях, без сомнения, хороши и желательны; но они могут стать также в высшей степени дурными и вредными, если не добрая

воля, которая должна пользоваться этими дарами природы...», и далее «Добрая воля добра не благодаря тому, что она приводит в действие или исполняет; она добра не в силу своей пригодности к достижению какой-нибудь поставленной цели, а только благодаря волею, т.е. сама по себе» [2, с. 60]. По сути эта «добрая воля» обладает двумя важными свойствами: 1) она телеологична (всё направляет к цели — добру); 2) «не от мира сего» (так как всегда способна подвести весь мир под нравственное осуждение, возвысившись над ним в его отрицании). Любопытно как эти мотивы найдут своё развитие в творчестве Ф.М. Достоевского. Демонически-богоборческие личности романов русского писателя как раз являются таковыми по двум причинам: 1) не видят нравственной целесообразности мира; и 2) выносят свой суд над творением, отрицая его и его Создателя, гипостазируя в своём сознании нравственное страдание — «слезинку невинного ребёнка», в качестве тотального несовершенства мира.

Здесь И. Кант впадает в гениальное противоречие (ибо оно намечает горизонты развития этической мысли, которое найдет своё продолжение у А. Шопенгауэра и Дж. Мура), устанавливая априорное равенство — добрая воля = чистая воля: так как, во-первых — не даёт содержательного анализа самого понятия «добро», которое окажется довольно проблематичным, что и покажет Дж. Мур в своей «Этике»; во-вторых — чистая воля не обязательно должна быть доброй, о чём поведает вскоре А. Шопенгауэр. Однако, кёнигсбергский философ довольно интуитивно точно ухватил следующее: понятие «доброй воли» входит в понятие «долженствования», если под словом «добрый» подразумевать «добровольный», «свободный», «независимый от». Конечно, Кант не показал, до каких пределов простирается эта свобода, и мы не знаем, был ли ему знаком образ «фанатика-моралиста». Кроме того, если свободная воля исключительно добрая воля, то она уже не свободна (ибо добра и только добра). Тем не менее, долг и свобода связаны между собой в «таинственном» суждении о не-должном. «Таинственно» оно по той причине, что природа его неизвестна, и только человек может поставить вопрос: «миру провалиться или мне чаю не пить?». Судя по всему, Кант разрывался между двумя идеями: идеей Просвещения о том, что «мы живём в лучшем и единственно возможном мире из всех возможных» и идеей о том, что «тайна беззакония» всё же присуща этому миру и его окончательная целесообразность дело возможного открытого будущего, а не репрезентированной явленной действительности. Таким образом, «добрая воля» Канта — это замаскированное ощущение

человека, что он «не от мира сего», что «мир не совершенен», мог бы быть и другим, из чего следует либо бунт (Иван Карамазов и пр.), либо нравственный императив (а на самом деле и то, и другое).

Чтобы лучше разобраться в хитросплетениях кантовской этической мысли полезно набросать, пусть и весьма схематически, то, как философ представлял себе онтологию мира. Кант допускает три «порядка»: порядок механизма, которому соответствует в нас научное познание (законы природы — законы, «по которым всё происходит»), порядок целесообразности, которому соответствует чувствование (чувство прекрасного), порядок нравственности, которому соответствует свобода (законы, «по которым всё должно происходить»). Причем эти «порядки» надстраиваются друг над другом в порядке возрастания свободы самопричинения. На первом «этаже» всё функционирует на основании слепых (случайных) сил (законов), которые образуют жёстко детерминированные цепочки; здесь случай полностью подчинён детерминации. На втором «этаже» случайность и детерминация уравниваются друг друга, а на третьем «этаже» они полностью расходятся как бы в разные стороны, и вот тут-то, и требуется «добрая воля», чтобы вновь соединить случайность и необходимость. Возникает тот самый страх перед «звёздным небом над головой», который необходимо уравновесить «нравственным законом внутри себя». «Случайная необходимость» мира должна превратиться в «необходимую случайность». Как жить с ощущением беззначимости (бессмысленности) собственного существования и существования Мира? — только приписав этому некий высший таинственный смысл (т.е. целесообразность). Вот почему этика Канта телеологична; человек — единственное существо, которое открыло «беспричинность» Мира, тем самым «впустив» в него как добро, так и зло (дерево Познания), ибо мы можем эту беспричинность как «благословить», так и «проклясть» (пафос, который движет героев Достоевского).

Верхний «этаж» онтологии Канта — «этаж» высшей неопределённости (мир ноуменов), и именно поэтому его опасно оставлять без императива; философ борется за свободу, но одновременно и боится её (свобода «от» с необходимостью должна превратиться в свободу «для» — нравственный императив). С одной стороны Кант заявляет, что подлинная нравственность невозможна без реальной свободы, а с другой — утверждает, что свобода реальна только в горизонте непреложного долженствования, пытаюсь вывести закон для морального поступка и отыскать его причины: стремление к счастью, надежда на бессмертие,

чувство собственного достоинства, Бог. Хотя, возможно, более уместно было бы потакать в разумных дозах нашим природным склонностям (как считал Д. Юм), чем насиловать Мир концепцией «должного»; ХХ век показал, какой дорогой ценой может быть оплачено это «долженствование». Кант, возможно сам того не желая, ярко обозначил любопытное свойство человека — ощущение «таинственной непостижимости Мира», что, собственно, и делает нас существами не только эмпирическими, но и ноуменальными (= этическими). Последнее предложение кантовских «Основ метафизики нравственности» прямо указывает на это: «Итак, мы не постигаем практической безусловной необходимости морального императива, но мы постигаем его *непостижимость*; больше этого уже нельзя по справедливости требовать от философии, которая стремится в принципах дойти до границы человеческого разума» [2; с.119]. Ноуменальный мир Канта — это мир возможного и неопределённого, и именно поэтому дающий возможность воспринимать человеку эмпирический мир в горизонте должного/недолжного. Но для этого необходимо мир сохранить и познать в истине, максимально независимой от наших настроенностей. Отсюда и основные примеры этического поведения, которые немецкий философ выстраивает вокруг двух заповедей: «не убий» и «не лги». Нравственность есть осознанная открытость неопределённости, без—основности человеческого существования, сократовская максима: «Я знаю, что ничего не знаю»; удерживай своё знание всегда в горизонте незнаемого, неведомого. Мера твоей «личности» прямо пропорциональна той мере неопределённости, за которую ты несёшь ответственность.

Практический разум выше теоретического по той простой причине, что познание того или иного факта реальности, ещё не даёт возможности его изменить, и лишь отношение к нему в горизонте должного/недолжного даёт это. Нравственный императив Канта требует от человека выйти за рамки себя самого (я—конкретного), совершив трансцензус, в я—универсальное, полагающее законы себе и Универсуму. Поступок всегда конкретен, но нравственный критерий его мотивации — универсален; «альфа» этой универсализации — желание должного, а «омега» — неопределённость как следования должного из реального, так и последствия реального из должного. Поэтому нам даны *любовь, сострадание и вера*. Вера удерживает перед нами идеал возможного, а любовь и сострадание не позволяют идеалу «насиловать» реальность.

Разгадка кантовской этики заключается в отождествлении чистой воли с чистым разумом.

Чистый разум — это разум, который способен мыслить безусловное, и тем самым ставить эмпирический феноменальный мир под вопрос. Чистая воля — желание, то сакраментальное желание, которое взыскует, чтобы другой желал моё желание быть желаемым (я—конкретное всегда желает себя в качестве я—универсального, универсально—конкретного). Это желание — следствие нашего ощущения собственной и мировой без—основности (*ungrund*) — основной источник нашего страха, из которого, в свою очередь, рождается эгоизм, аморализм и т.п. «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла стать основой всеобщего законодательства», по—сути, совпадает с призывом, которым современный французский философ Ален Бадью подытожил свою «Этику»: «Не предавай бессмертного в себе». Поступай так, как человек, желание которого «быть» достойно того, чтобы его также желал и другой. Подлинная свобода помещается в пространстве взаимодействия «я—конкретного» с «я—универсальным». «Я—универсальное» должно удерживать «я—конкретное» от мелочно—эгоистично—самозамкнутого себялюбия, а «я—конкретное» удерживать «я—универсальное» от тотализирующей тирании абстрактного, которое в отрыве от конкретного превращает мораль в морализаторство, нищенское чувство *ressentiment*. Милосердие и прощение как раз и заключаются в удержании в постоянной осознанности того факта, что между «я—конкретным» и «я—универсальным» существует не столько гармоническое равновесие, сколько драматический разрыв (о чём знала ещё античная трагедия). Интуиция Канта верна: свобода — это способность к самодетерминации в горизонте открытой неопределённости (возможности Мира всегда быть иным); странное ощущение случайности Мира, и стремление её одновременно и удержать (свобода) и устранить (практический и чистый разум). Нравственность тогда становится императивной, когда я пытаюсь утвердить свою случайную—неслучайность в мире, «зачем—онтология» которого ноуменальна; лишь существо остро переживающее свою без—основность перед «звёздным небом над головой» способно «грезить об Абсолютном», и Кант «грёзил». Однако именно эти «грёзы» наделяют человеческое существо достоинством и величием, уравнивая бездонное небо над головой нравственным законом внутри. Однако это соотношение не даётся раз—и—навсегда одним единственным решением. Проблему взаимодействие «я—конкретного» и «я—универсального» всегда (каждый день) необходимо решать вновь и вновь, именно это и превращает этику в науку о свободном ответственном суждении, каковой её хотел видеть Иммануил Кант.

Литература:

1. Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней / А.А. Гусейнов. — М.: Вече, 2009. — 496 с.
2. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. — СПб.: «Наука», 2007. — 528 с.
3. Фулье А.Ж.Э. Критика новейших систем морали: Пер. с фр. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 416 с.

Черненко В.О. Етика І. Канта: pro et contra. — Стаття.

Анотація. У статті розглянута філософська проблематика етичного вчення І. Канта. Секрет її тривалої актуальності автор статті вбачає в тому, що Кант знайшов етичну відповідь на виклик секулярної епохи, яка почалася у XVI столітті та триває по сьогодні. Теорія категоричного імперативу відкрила таємницю безпідставності людського існування, спроба розгадати яку й визначила розвиток подальшої європейської філософії.

Ключові слова: категоричний імператив, добра воля, свобода, я—конкретне, я—універсальне, практичний розум.

Chernenko V.O. Ethics of the I. Kant: pro et contra. — Article.

Summary. In the article the philosophical problems of ethical doctrine of I. Kant are considered. The author of the article sees the secret of her lasting relevance in the fact that Kant found an ethical answer to the challenge of the secular epoch, which began in the 16th century and continues to this day. The theory of the categorical imperative revealed the mystery of the baselessness of human existence, an attempt to unravel it determined the development of the subsequent European philosophy.

Key words: categorical imperative, goodwill, freedom, i—concrete, i—universal, practical reason.